

РОЛЬ ДЕТСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ В СТАНОВЛЕНИИ СОЗНАНИЯ АРКАДИЯ ДОЛГОРУКОГО В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПОДРОСТОК»

Записки Аркадия Долгорукого – это рефлексивное описание событий прошлого. Но художественное прошлое романа «Подросток» неоднородно. Оно включает в себя события «с девятнадцатого сентября прошлого года» (основное действие) и детские воспоминания героя. Эти факты прошлого перерабатываются в свете всего жизненного опыта Подростка на момент написания истории своих «первых шагов» (настоящее время). Таким образом, Ф. М. Достоевский создает сверхсюжет, раскрывающий психобиографию героя.

Цель данной статьи: рассмотреть роль детских воспоминаний в становлении сознания Аркадия Долгорукого.

Первое из детских воспоминаний героя связано с фамилией Долгорукий. Контекст этого воспоминания – трехступенчатый: номинация – воспоминание – события, породившие переживание. Номинация: «...я – законнорожденный, хотя я в высшей степени незаконный сын...» (13; 6). Эта номинация отражает основное противоречие в сознании героя. Отталкиваясь от этой точки автор ведет нас к эмоциональной оценке своего положения персонажем в связи с испытаниями, которые относятся к дороманному времени произведения. Эта альтерация выполняет функцию опережающего отражения, то есть вначале Достоевский показывает, как на Аркадии отразилась его «законная незаконнорожденность», и только далее события, повлекшие данное положение. Такое построение выполняет предваряющую функцию.

Это воспоминание состоит из нескольких фрагментов, точнее сказать, это несколько воспоминаний, каждое из которых показывает обострение восприятия своей незаконнорожденности Подростком. Такую

градацию легко проследить, рассмотрев эволюцию его ответа на вопрос, является ли он князем Долгоруким. От абстрактного «*просто Долгорукий*» через «сын дворового человека, бывшего крепостного» к конкретному и правдивому «незаконный сын моего бывшего барина, господина Версилова». В этой градации отражен процесс осознания героем своего социального положения и попытка кинуть дерзкий вызов общепринятому в окружающем его мире.

Не последнюю роль в этом процессе занимают герои-«разъяснители», помогающие понять, во-первых, что если ты «просто Долгорукий», то ты – «дурак»; а, во-вторых, что не надо «праздновать» свою незаконнорожденность. Таким образом, создается эффект двойной оценки: через реплики Аркадия (самооценка) и через реплики других героев (общественная оценка).

В тексте романа дается восприятие Подростком этих переживаний как в детстве, так и в подростковом возрасте: «...редко кто мог столько вылиться на свою фамилию, как я... Это было, конечно, глупо...» (13; 7). Постоянная переоценка событий прошлого, склонность к самоанализу говорит о важности в формировании личности Аркадия детских воспоминаний. Таким образом, они входят не только в прошлое героя, но и являются характерообразующей частью настоящего.

Второе воспоминание дано в разговоре с князем Сокольским перед приездом его дочери. Эта альтерация важна для понимания отношения Аркадия к женщинам вообще и к Ахмаковой в частности.

В воспоминании о том, как Подросток впервые увидел «женскую наготу», менее всего говорится о женщине. Основной

акцент смещен на тему жертвы. И в роли жертвы в альтерации выступают различные персонажи: Аркадий (жертва Ламберта в пансионе Тушара) – Ламберт (жертва обмана матери и аббата Риго) – аббат Риго (Ламберт запугивает его ножом) – канарейка (расстрел в упор Ламбертом) – проститутка (Ламберт избил хлыстом). Эта цепочка выстраивается как ассоциативный ряд героя, в котором доминирующая ассоциация: женщина – жертва. Данная ассоциация переходит из детского воспоминания в размышления Подростка об Ахмаковой: «Да, я ненавидел эту женщину, но уже любил ее как мою жертву...» (13; 63).

Интересно, что каждому эпизоду воспоминания соответствует определенное негативное ощущение героя: прислуживание Ламберту – униженность; вид объятий аббата Риго и Ламберта после конфирмации – зависть; рассказы Ламберта – страх; избивание Ламбертом проститутки – злоба; Ламберт «схватил и ткнул меня в ляжку» – физическая боль. Переживания Аркадия нанизываются друг на друга, но переносятся лишь на один объект: «С тех пор мне мерзко вспомнить о нагоде...» (13; 28). Таким образом, в этой альтерации показана алогичность в развитии внутреннего мира героя.

Воспоминание-дуплет, данное в контексте изложения персонажем своей «идеи», основной функцией имеет показать противоречивость ее реализации в действительности.

Первое воспоминание в этой альтерации состоит из нескольких микротем: двойничества, жертвы, последняя включает в себя и тему отношения к женщине. Несмотря на значительный интеллектуальный разрыв между Аркадием и бывшим студентом, в них много общего: нарушение общепринятых норм, стремление к пошлой оригинальности, цинизм, однообразие. Появление этого второстепенного персонажа помогает герою взглянуть на себя и на свою «идею» со стороны.

Кружок, окружающий в вагоне бывшего студента, характеризуется как «дрянная компания». С этим кружком Подростка

объединяет падность на внешнюю оригинальность, проявляющуюся в «нарушении общепринятых и оказавшихся приличий» (13; 78). Эта фраза в тексте повторяется дважды: первый раз – для объяснения причины, почему герою понравился «пивший молодой человек»; второй раз – причины, почему Аркадий участвовал в уличных забавах бывшего студента. В сознании героя отход от общепринятости ассоциируется с наличием «затаенной идеи». Но со временем Аркадий осознает, что в молодом человеке нет оригинальности, а лишь однообразие. На это же нацелена и речевая характеристика персонажа: в тексте нет ни одной его реплики, кроме периодического повторения «какого-то звука, вроде “тюр-люр-лю!”» (13; 78). Через осознание однообразия в мышлении бывшего студента ко времени написания записок герой понимает, что однообразие проявляется и в слепом следовании идее, которая в конце этого воспоминания характеризуется, как «нечто неподвижное, всегдашнее, сильное, которым страшно занят» (13; 79).

Это воспоминание продолжает тему ненависти к женщинам. Но в этой альтерации дана двойная оценка уличных забав, жертвами которых становились «женщины из порядочных». Первоначальное восприятие Аркадием последнего вечера на Тверском бульваре: «В тот вечер я очень досадовал, на другой день не так много, а на третий совсем забыл» (13; 78). По прошествии двух с половиной месяцев Подросток переоценивает свое поведение: «...и до того мне стало вдруг стыдно, что буквально слезы стыда потекли по моим щекам. Я промучился весь вечер, всю ночь, отчасти мучаюсь и теперь. Я понять сначала не мог, как можно так низко и позорно тогда упасть и, главное – забыть этот случай, не стыдиться его, не раскаиваться» (13; 79). В этой переоценке событий прошлого заключается одна из сторон самовоспитания Аркадия.

Второе воспоминание в данной альтерации, посвященное подкинутой девочке Ариночке, своей целью имеет

раскрыть противоположную тенденцию в реализации своей идеи героем.

Толчком к динамическому развитию действия в этом воспоминании становится не появление ребенка в доме опекуна, а решение Николая Семеновича отослать девочку в воспитательный дом. Происходит столкновение двух сознаний, в ходе которого реализуется попытка самоутверждения главного героя, о чем свидетельствует речевая характеристика Аркадия в этом отрывке: «...я вдруг объявил ему, что беру девочку на свой счет» (выделено нами – А. К.) (13; 80). Эмоционально-семантический стой фразы отражает торжественное настроение, с которым Подросток бросает вызов Николаю Семеновичу. И далее, говоря об исходе спора, Аркадий пишет: «Однако сделалось по-моему...» (выделено нами – А. К.) (13;80). Герой, идентифицируясь, противопоставляет себя окружающему миру.

Подросток самоутверждается не только вербально (в споре), но и действенно, когда он берет на себя ответственность за Ариночку, пытаясь повлиять (пусть и к лучшему) на судьбу другого человека.

Как и в первом воспоминании этого дуплета, здесь дана двойная оценка детских переживаний: во время этих событий и немного спустя. Изначальное восприятие связано с эмоциональным состоянием героя: «Ну, поверят ли, что я не то что плакал, а просто выл в этот вечер, чего прежде никогда не позволял себе...» (13; 81). И дано более позднее восприятие, носящее рациональный характер, в ракурсе реализации «идеи» Подростка: «...если я буду так сбиваться в сторону, то недалеко уеду» (13; 80).

Эти два воспоминания отражают амбивалентные попытки самоутверждения героя через взаимодействие с «жертвами»: в первом случае – путем унижения; во втором – сострадания. Это противоречие указывает на двойственность идеи в сознании героя.

Самое яркое воспоминание Подростка – первая встреча с отцом. Оно включено в единое повествование с рассказом о пансионе Тушара. Такое близкое нахождение этих воспоминаний создает контраст, объясняющий формирование любви-

ненависти по отношению к Версиллову в сознании Подростка.

Воспоминание о встрече с отцом играет конфликтообразующее значение. Отнесенное к дороманному времени, оно является исходной точкой не только во внутреннем конфликте героя, но и всего произведения. Это соответствие вполне логично в виду того, что художественный мир освещается через голос Аркадия.

И хотя Подросток повествует в присутствии многих лиц (мать, Версильов, Татьяна Павловна, Лиза), направлен его рассказ-упрек, раскрывающий непрощеную обиду, отцу. Поэтому его монолог часто прерывается ироничными комментариями Версильова. И если в этом столкновении сознаний Подростку свойственна гиперболизация значения происшедших событий, то Версильов вербально и невербально указывает на их незначительность.

Неуверенность, отступления от основной линии повествования в речи героя соответствует до конца не сформировавшемуся отношению к отцу. Вместе с этим установка Подростка на торжественный и «самый развязанный вид», которая должна служить внешнему проявлению безразличия к событиям, о которых герой повествует, вступает в конфликт с реальными переживаниями персонажа. В результате этого противоречия герой выступает в глупо-торжественном виде, а речь его пронизана жалостью к себе.

Тем же торжественным тоном героем дается псевдоустановка: «Я именно хочу, чтоб все смеялись» (13; 91). При этом Подросток желает проявления абсолютно серьезного слушания, что и получает ото всех присутствующих, кроме Версильова, который как бы соглашается вступить в эту игру. Аркадий вначале повествования пытается иронизировать над собой, но погружаясь в свои воспоминания, он становится сосредоточенно-серьезным, чем и знаменуется его проигрыш в этом дискурсе-дуэли, когда оружие в форме спокойной иронии остается только в руках Версильова.

Саморазоблачение героя происходит еще до его повествования о встрече с отцом, когда Версиров говорит: «Я знаю, что ты всех нас любишь...» (13; 91). После этой фразы активизируется доминанта в сознании Подростка – любовь к отцу: «Вы, конечно, и тут угадали по лицу, что я вас люблю?» (13; 91). Чтобы переключить внимание с этого вопроса-признания, герой вновь неуместно прибегает к смеху: «Ну, а я так по лицу Татьяны Павловны давно угадал, что она в меня влюблена. Не смотрите так зверски на меня, Татьяна Павловна, лучше смеяться! Лучше смеяться!» (13; 91). Такой абсурдный перенос свидетельствует о хаотичности и полемичности сознания героя. Попытка Аркадия дать остроумный ответ выставляет его в дерзко-глупом виде.

Это воспоминание наполнено множеством отступлений, соответствующих этапам подготовки к встрече с отцом: о встречах с матерью, о жизни у Андрониковых, о роли Татьяны Павловны в детстве Подростка. Эти отступления дают тот фон, на котором встреча с отцом становится наиболее ярким впечатлением детства Аркадия.

Воспоминания о встречах с матерью контрастируют с воспоминанием о встрече с отцом. Во-первых, несколькими приездам матери противопоставляется единственная встреча с отцом. Во-вторых, если мать сама приезжала к Аркадию (целенаправленный приезд), то к отцу его привозили (встреча мимоходом). В-третьих, место действия: деревня (природа, церковь) и Москва (дом Фанариотовой, театр) – как отражение внутренних миров матери и Версирова). Встречи с матерью не оставили в сознании героя запоминающихся впечатлений, кроме того момента, «когда меня в тамошней церкви раз причащали и вы приподняли меня принять дары и поцеловать чашу; это летом было, и голубь пролетел насквозь через купол, из окна в окно...» (13; 92). Впечатляющим моментом становится не образ матери, а образ голубя, в связи с которым ассоциативно в памяти героя осталась и мать.

Следующее отступление посвящено жизни в доме Андрониковых, где происходит

духовно-эстетическая подготовка к встрече с отцом. Воспитание в этой семье помогло Аркадию обратить на себя внимание отца чтением басни Крылова. И формальная, внешняя, подготовка осуществляется Татьяной Павловной: «Я все носил курточки; тут вдруг меня одели в хорошенький синий сюртучок и в превосходное белье. Татьяна Павловна хлопотала около меня весь тот день и покупала мне много вещей; я же все ходил по всем пустым комнатам и смотрел на себя во все зеркала» (13; 93).

Встреча Аркадия с отцом на лестнице, когда Андрей Петрович «протянули только: а! и даже не остановились» (13; 93), создает контраст между пышной подготовкой к этой встрече и версировским безразличием.

С любованием Аркадий описывает внешность тогдашнего Версирова, противопоставляя его наружному облику отца спустя девять лет. В этой антитезе отразилось изменение не только в Версирове, но и в отношении к нему Аркадия: от любования к иронической жалости, от любви к обиде. Ответ Версирова не менее ироничен: «... и я тебя припоминаю ясно: и клянусь тебе, ты тоже проиграл в эти девять лет» (13; 94).

Эта одинаковая оценка друг друга существует не только в подростковых, но и в детских воспоминаниях главного героя, когда выстраивается параллель между чтением басни Крылова Аркадием перед отцом и выступлением Версирова в театре Витовтовой, и они оба соответственно кричат «браво!».

Как и во многих других детских воспоминаниях Подростка, в этом присутствует двойная оценка событий: от изначального любования («от улыбки вашей только взвеселилось мое сердце»), восхищения («Ах, как хорошо, настоящий Чацкий!»), нежности («так бы вас и расцеловал»), восторга от отца («я был в восторге, в восторге до слез») к непониманию, почему он вызвал такие чувства («Слезы-то восторга зачем?»), и обиде.

Далее в повествование Подростка входит воспоминание о жизни в пансионе Тушара.

Связкой этих двух воспоминаний становится желание Аркадия бежать из пансиона к отцу: «Тем и кончилось, что свезли меня в пансион, к Тушару, в вас влюбленного и невинного, Андрей Петрович, и пусть, кажется, глупейший случай, то есть вся-то встреча наша, а, верите ли, я ведь к вам потом, через полгода, от Тушара бежать хотел!» (13; 96).

Эта альтерация состоит из двух частей, первая из которых раскрывает процесс осознания героем своего социального положения, вторая – попытку бежать из пансиона. Структура первой части представляет собой цепочку событий, причины которых либо герой не знает, либо ложно трактует: вопрос соучеников, почему у Аркадия фамилия Долгорукий, если его отец Версилов («я сам не знал почему») – выдворение Тушаром Аркадия из классной комнаты – переглядывание и пересмеивание с товарищами («они надо мною смеялись, но я о том не догадывался и думал, что мы смеемся от того, что нам весело» – 13; 97) – пощечины Тушара («Произошло что-то такое, чего я ни за что не понимал» – 13; 97) – лакейство Аркадия и ненависть товарищей («я старался изо всех сил угодить и нисколько не оскорблялся, потому что ничего еще этого не понимал, и удивляюсь даже до сей поры тому, что был так еще тогда глуп, что не мог понять, как я всем им неровня» – 13; 98).

Тон второй части воспоминания романтически окрашен. Сема «мечта» в этом отрывке трижды повторяется по отношению к Версилову. На фоне моральных и физических унижений со стороны соучеников и воспитателя образ отца в сознании героя ассоциируется с возможным избавлением от всеобщего презрения.

Противоречивость в сознании героя в этой альтерации проявляется в борьбе желания бежать к отцу с нерешительностью. Детальное описание наивной попытки уйти из пансиона проникнуто жалостью Подростка к себе. Особое страдательное настроение, отражающее ощущение незащитности персонажа, передано в рассуждении о том, каким образом Аркадий

собирался разыскивать отца: «...ночь где-нибудь прохожу или просижу, а утром расспрошу кого-нибудь на дворе дома: где теперь Андрей Петрович и если не в Москве, то в каком городе или государстве? Наверное, скажут. А я уйду, а потом в другом месте где-нибудь и у кого-нибудь спрошу: в какую заставу идти, если в такой-то город, ну и выйду, и пойду, и пойду. Все буду идти; ночевать буду где-нибудь под кустами, а есть буду один только хлеб, а хлеба на два рубля мне очень на долго хватит» (13; 99).

К романтической традиции примыкает и параллелизм в описании душевного состояния героя и состояния природы: «Я ждал ночи со страшной тоской, помню, сидел в нашей зале у окна и смотрел на пыльную улицу с деревянными домиками и на редких прохожих. <...> Солнце закатывалось такое красное, небо было такое холодное, и острый ветер... подымал песок» (13; 99). И именно «темная-темная ночь», становясь символом «бесконечной и опасной неизвестности», порождая в сознании Аркадия нерешительность, возвращает его в пансион.

Этим двум этапам в процессе осознания своего социального и семейного положения героем соответствует два вывода, к которым он приходит: во-первых, он – лакей, во-вторых, – трус. Поэтому в этой альтерации вполне органично сосуществуют две доминанты в отношении персонажа к самому себе – это самоуничижение и жалость.

После повествования о первой встрече с отцом и о жизни в пансионе Подросток упоминает о другом детском переживании: «Мама, у меня на совести уже восемь лет, как вы приходили ко мне одна к Тушару посетить меня и как я вас тогда принял» (13; 100). Сказав мимоходом об этом воспоминании, автор возвращается к нему более чем через полтора ста страниц. Встреча с матерью возникает в памяти героя, когда после долгого периода легкомысленного «огромного счастья» возле князя Сергея Сокольского, с которым были забыты и «одинокое и угрюмое детство» и «глупые мечты под одеялом, клятвы, расчеты и даже “идея”», наступила позорная ночь, во время

которой Аркадий был выброшен из игорного дома и обвинен в краже и доносе.

Эта глубоко лиричная альтерация начинается с образа церкви, которая фигурирует в тексте воспоминания трижды: по приезду матери, когда она уезжает и через шесть месяцев после этого случая, когда происходит переоценка событий в сознании героя. Этот параллелизм образов церкви и матери строится на основе общественно-духовной позиции героини как представительницы «благообразной» России. Но это не единственная аналогия в этом отрывке. Так, показана параллель между состоянием природы и внутренним миром героев. Софья Андреевна появляется в пансионе, когда «только что минула святая неделя и на тощих березках в палисаднике тушаровского дома уже трепещут новорожденные зеленые листочки. Яркое предвечернее солнце льет косые свои лучи...» (13; 270). Весеннее состояние природы оттеняет душевную чистоту героини. Говоря же о ненависти, проникшей в сознание Аркадия, автор описывает «ветреный и ненастный октябрь». В этой аналогии с природой таится и антитеза между образами матери и сына, на основе которой строится повествование об их встрече. Ее кроткому, безмолвному виду Аркадий противопоставляет свой «большой вид собственного достоинства», иронизируя по поводу глупости такого поведения, в чем проявляется уже более поздняя оценка событий героем. Благоговению матери перед сыном соответствует неприкрытое чувство стыда Аркадия за нее перед товарищами и Тушаром с женой.

Как и другим воспоминаниям, этому дается двойная оценка героя: первоначальное чувство стыда сменяется тоской по матери, сожалением за свое поведение, любовью

к ней: «Помнишь ли ты теперь своего бедного мальчика, к которому приходила... Покажись ты мне хоть разочек теперь, приснись мне хоть во сне только, чтоб только я сказал тебе, как люблю тебя, только чтоб обнять мне тебя и поцеловать твои синенькие глазки, сказать тебе, что я совсем тебя уж теперь не стыжусь, и что я тебя и тогда любил, и что сердце мое ныло тогда, а я только сидел как лакей» (13; 274).

Эта альтерация заканчивается на грани сна и реальности: в воспоминании и в реальности Аркадия бьет Ламберт.

Воспоминания о первой встрече с отцом и о приезде матери в пансион отражают развитие в душе Подростка двух амбивалентных тенденций соответственно: от любви к обиде и от стыда к любви. И именно на фоне пансиона Тушара показано изначальное отношение Аркадия к родителям: желание бежать оттуда к отцу и желание, чтобы мать поскорее покинула его.

Таким образом, рассмотрев данные ретардации, мы можем сделать следующие выводы о роли детских воспоминаний в становлении сознания Аркадия Долгорукого. Во-первых, детские воспоминания включают в себя ключевые события в формировании личности героя. Во-вторых, эти альтерации помогают раскрыть полемичность сознания Аркадия и объясняют сложившиеся ранее обстоятельства, повлиявшие на противоречивое поведение героя. В-третьих, детские воспоминания переживаются героем как события настоящего. Наконец, они влекут за собой переработку первоначального впечатления, что проявляется в наличии в тексте воспоминаний двойной оценки (во время этих событий и во время написания этих записок).